

ВОСЬМОЙ ГОД
ОМЕР 45
ОКТАБРЬ 1929
МОСКВА

К 556

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

8

МАТЕМАТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Рис. Ю. Ганфа

ЦЕНА
15
КОП.

10
1929

БОЛЬШОЙ ВОПРОС

О том, как избавиться от тучи мелких вопросов и перейти к вопросу о производстве.

**К
Р
О
К
О
Д
И
Л**

С ДОКУМЕНТАМИ В РУКАХ

(Неподслушанный разговор)

КАКОЙ же это правый уклон?.. Никакого уклона! Собственно говоря, мы вполне разделяем линию партии. Хотя, конечно, с другой стороны... О-ох!..

— Чего вы охаете?

— Так, вообще. Очень жмут!

— Ботинки?

Нет. Ботинки у частного куплены. В партии, говорю, нас жмут! Бо-ольшой, знаете ли, зажим нашей самокритики!..

— Но позвольте...

— ...Не согласиться?.. Но позволим!

— Да нет, подождите...

— Вот и мы говорим: подождите! Куда спешить? Зачем такие темпы?

— Да нет, не то! Что вы, в самом деле, слова не даете сказать!

— Незачем давать! Вам дай, — вы сейчас и скажете будто мы выдвигаем теорию «врастания кулака в социализм»!.. А это вовсе не мы!

— Не вы?..

— Не мы. Наоборот, — пятый пленум ИККИ!..

— Что пятый пленум?..

— Про врастание кулака. В социализм. Это он, пленум ИККИ, первый сказал!

— Не мог он этого сказать!..

— Ну, вот. Начинаются голословные возражения! А мы выступаем с неопровержимыми доказательствами, с документами в руках. Вот она, резолюция пятого пленума ИККИ!.. Вот, я вам сейчас прочитаю... Черным по белому: «...Будут, при правильной политике пролетарского государства, врастать в систему социалистических хозяйственных отношений!» Что? Ага! Что? Ага!

— Позвольте... Кто «будут врастать»?

— Ну, конечно же, кулаки! Кто же еще может врасти? Ясно сказано! Что? Ага! С ИККИ-то вы не станете спорить!..

— Что за... Ну-ка дайте взглянуть!

— Зачем? Кажется, я вполне четко и внятно вам прочитал! Если не расслышали, — могу еще раз. «...Будут, при правильной политике...»

— Нет, разрешите уж самому прочитать!

— Странно, ей-богу... Что это—недоворие? Что ж, по-вашему, я позволю себе перевернуть текст?.. Нате, читайте, но, признаться, не понимаю я такого отношения!.. Но, конечно, как вам угодно... Пожалуйста! Сделайте одолжение! Читайте! Вот, вот здесь читайте, — вот, где я палец держу! Вот. «...Будут, при правильной политике... врастать в систему...» Убедились? Своими глазами? Что, ага!..

— Пойдите, дайте же прочитать то, что раньше там сказано...

— Ну, это неинтересно. Вы вот тут читайте... Где я пальцем отметил!

— Нет, уж позвольте...

— Да нет же, не стоит! Резолюция длинная, печать мелкая... Что вам за охота? Прочитайте самое главное — и хватит!

— Нет, разрешите все-таки...

— Странное, ей-богу, упорство! Да ладно, мне-то что? Читайте... Вот, кроме этого места. Это место совсем уж не представляет интереса. Вот, я его сейчас зачеркну карандашиком...

— Нет, уж разрешите... Так... Не мешайте... «Кооперативные объединения крестьянских хозяйств... будут, при правильной политике...» Кооперативные объединения! А вы говорите, — кулаки!

— Мы говорим, — кулаки!

— Но ИККИ-то ведь не говорил ничего подобного! ИККИ про кооперативные объединения, про колхозы говорил!..

— Ну, мало ли что ИККИ... Я за ИККИ не могу отвечать!

— Но ведь вы... Послушайте... Вы, значит, не стесняетесь передергивать и извращать резолюцию ИККИ!.. Да кто же вам это позволит?!

— Ну, вот, опять начинается! Ох-хо-хо!..

— Что с вами?..

— Жмут очень!

— Ботинки?..

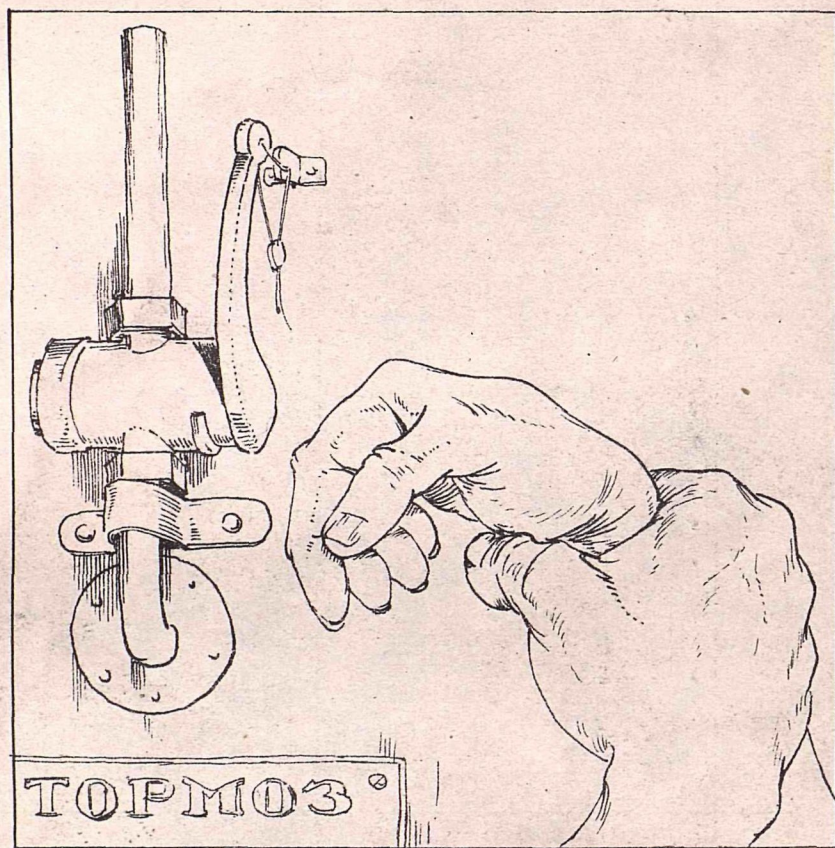
— Да нет! Ботинки у частного куплены. Партия жмет, дисциплина жмет, партпрограмма жмет... и вообще!..

— Но...

— И вообще!.. Что это в самом деле: смысл не изврати, цитаты не передерни!.. Да я тогда и разговаривать не желаю!..

Грамен.

Рис. А. Топикова

— Руку прочь! Полный ход вперед, а не «спуск на тормозах»!
(К итогам пленума ЦК).

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ
ШЛИТЕ МАТЕРИАЛЫ
К КОНКУРСУ НА ЛУЧ-
ШЕГО ОППОРТУНИ-
СТА

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(Во время узаконенного невыхода на работу)

Если учреждение перешло на пятидневную неделю, то осмелится ли посетитель упрекнуть заведующего в том, что у него семь пятниц на неделе?..

★

Слово — не бюрократ: вылетит — не вернется обратно!

★

Странно было бы ожидать, что бюрократы будут энергично содействовать съезду ударных бригад.

★

Выдвигая новые кадры специалистов, не мешает очистить путь от некоторой части старых.

★

Школа полезна молодым... Но полезна ли «школа молодых»?..

★

Недостаточно вынести хорошую резолюцию, — надо вынести что-нибудь и из резолюции.

Беспартийный

Савелий Октябрев.

— Какая грязьца! Не понимаю, о чем думала секция коммунального хозяйства!
— Чудак! У нас горсовет не по секциям, а по сектам работал.

«СПЕЦ» — Не понимаю, зачем так много кричат о новых кадрах специалистов! Я бы мог совместительствовать по крайней мере еще в семи-восьми местах!

ПРИ МЕСТЕ

(Идеологическая пристройка)

КУЛАК Никифор Степанович, возвращаясь из города, привел с собой правого уклониста.

— Сам пристал, — объяснил Никифор Степанович, — ласкается, угождает. Вяжась хозяйство сторожить.

— А Полкан?

— Полкана по-боку. По нынешним временам простая собака нас не уберезет. Этот лучше будет.

Никифор Степанович отвязал опечаленного Полкана, свел его за овин и стукнул обухом по темени. А правого уклониста пустил по двору.

— Старайся!

Правый уклонист стал стараться.

Он охранял благосостояние Никифора Степановича не только ревностно, но и со смыслом.

Бедноту облаивал. Но допускал близко.

Финагентов, приходящих к Никифору Степановичу с добрыми астраханскими намерениями, встречал ласковым повизгиванием.

— Милости просим! Пожалте!

Финагентов несговорчивых старался задержать виляньем, путаясь в ногах.

— Не наступайте, пожалуйста, — упрасивал он. — Никифор Степанович — сильный, с ним связываться опасно. Не ссорьтесь!

— Пусти! Был он сильный, а теперь по-ослаб.

— Тогда тем более! Зачем же обижать слабого? Слабого всякий обидеть может. Не трожьте Никифора Степановича. Он — здоровый частник, пригодится, ей-богу!

Никифор Степанович радовался, глядя на такое усердие стража.

— Умственный! Зря не укусит!

— Скулит только по ночам, — пожаловалась супруга. — Ровно по покойнику. Прошлую ночь даже выл.

— А ты его кормила?

— Как же, кормила обещанием «оживить оборот».

— А «врасти в социализм»?

— Без тебя не решилась.

— Ничего — можно! Любит он. — Никифор Степанович засвистал. — Иди сюда! Ах ты, мой ласковый!..

И дал лизнуть подбежавшему верному стражу свою пухлую водянистую руку.

Б. Самсонов.

Когда у нас в ячейке проходила чистка, — сезон был еще теплый. Но все равно, и помимо этого многие потели. А почему? А вот все бы ничего, гладко началось и проходило, но некоторые товарищи из зрительного зала под шумок разохотились и, знаете ли, экзамен не экзамен, а все ж таки твой политбагаж взвешивают.

— Какая, мол, разница, между Вторым и Третьим Интернационалом?

— А какая ж разница? Это еще и из арифметики известно: второй — не третий, а третий — не второй!

Один все гровился спросить.

— Как, мол, относитесь к правым?

Если бы спросил, — я б ему ответил:

— Как? Знать их не желаю, вот как! И про них тоже...

Другой тоже угрожал:

— А какая точка зрения, у правых на колхозное строительство?

— Загнул! Это ты у правых спроси. Что я? Правый?

Не спросил, спасибо.

Но все же признали, что политический багаж у многих наших — легковесный. А у некоторых и багажа не нашли. Так, комочек, весь в узелке платка уляжется.

Подвинули. И обязали.

Хочешь — не хочешь, поворачивай руль на учебу.

А как повернешь?

В воскресный университет еще до непрерывной недели принимали. Еще тогда воскресенье было в силе. Ну, сами посудите. Жалко же терять воскресные дни отдыха!

Воздержался от выступления.

Вечерние курсы?

То-то, что вечерние. А кино? А театры?

Не вступил...

Заочное обучение?

Хоть оно и заочное, а гомозиться и на заочном надо. Проспекты. Письменные работы. Возня.

Отвертелся...

Но уж тут в ячейке пристали с ножиком к горлу: вступи да вступи в кружок! Эпоха движется вперед, а ты отстаешь от эпохи. Эпоха-то какая, вникни!

Ничего не поделаешь — вник. Вник и записался. Записался и — поник.

— Держись теперь; партлентяй! Кружиться тебе в кружках, не выкрутиться!

— Держись!

Но, спасибо, — пронесло.

То руководитель придет, а кружка нет, то кружок в сборе, а руководителя нет, то ни кружка, ни руководителя. Друг друга ищут в пространстве, конвейером.

Красота!

И согласен я теперь на все. Куда меня записали? В текущий кружок? Записывайте меня, кроме текущей политики, и в политэкономю, и в материалистический кружок, и в марксистско-ленинский. Какой там еще есть? Записывайте. Все равно — полная свобода. И не трогают и в кружках числишься.

Гуляй! Вот это да!!! Спасибо!!!

Эл-ми.

Я знаю край, где нету волокиты,
Где нет ни давки, ни очередей...
Веди туда хоть дельце полки ты —
Их примут сразу тучейи людей.
Там вежливость — закон природы,
Внимание! — вот лозунг боевой.
Открыты без доклада входы,
И служащий рад встретиться с тобой.
Я слышу вы кричите:

— «Просим!

Скажите нам хотя бы адресок!»

Пожалуйста: Тверская, 48.

Контора «Правды». Вот и все.

Там принимается подписка на «Крокодил». Хотите на месяц (55 коп.), хотите — на год (4 руб. 80 коп.). Вам виднее.

МОЛОДЕЖЬ, конечно, не понимает чистки аппарата: не то, что мы, довоенные. То-есть побаивается, как и все, но сознательного отношения к ней не проявляет и проникновенности не чувствует. Да и взяты неоткуда у молодежи ни сознательности, ни проникновенности!

Вы, товарищи постарше, понимаете это дело! Да и то не все. Если бы все понимали, то не было бы таких неисполнимых директив, которыми трудящихся ставят прямо в неловкое положение. С одной стороны — директива, значит, подлежит выполнению безоговорочно. А с другой. — как ее исполнишь, раз ее нельзя выполнить?!

Что есть чистка?! Чистка — это как бы исповедь, покаяние, — вот что такое она собой представляет! И полное сходство видно во всем.

Помните, товарищи постарше, как дело с исповедью обстояло?! После масленицы — великий пост. Вот тут-то и начиналась подготовка. Еще мы, молодые, по легкомыслию своему веселились, где и как умеем, а дома-то уже пахнет постным маслом и редькой. Еще когда исповедь-то — на страстной, а дух уже пошел...

Так и с чисткой. Еще когда чистка, а уже пахнет активностью и вовлечением. Легкомысленные еще своими делами занимаются, а дух-то уже пошел...

Подходит страстная, — тут хочешь-не хочешь, а постись, — скромного и капли не дадут. Да еще в церковь пойдешь, да еще всю обедню отстоишь, а не то, чтобы после евангелия драпу задать!

И перед чисткой то же. Как срок указан — плачешь, а ходишь на все общины рабочих и служащих, до конца выжииваешь, да еще и в прениях по международному и внутреннему выступаешь, а не как-нибудь. Стопроцентная активность! И как, бывало, в церкви три копейки на тарелочку кладешь, так и тут: нет-нет, да и внесешь членские взносы в шефское или Автодор, — сторицею, мол, воздастся!

Пока — все идет как по-привычному, по-хорошему. Но дальше — дальше уже директива представляет собою несправимый и недопустимый уклон, — как же ее соблюсти, как ее в жизнь провести?!

На чистке — активность, говорят, самокритика, невзирая на лица, и полная откровенность. Разоблачай, говорит, и изоблачай, говорит. Да разве так можно, товарищи, особенно, — товарищи постарше?! Где же это видано?!

Помните, бывало, перед исповедью?! Не то, чтобы разоблачить, — и муху боишься обидеть, чтобы не нагрешить как-нибудь «яже словом, яже делом, яже ведением и неведением». Ко всем — ласковый, ко всем — вежливый. Думаешь: «чтоб ты сдох», а выговариваешь: «будьте любезны». Думаешь: «пропади ты пропадом», а выговариваешь: «пожалуйста, покорнейше прошу». Так и на чистке, — думаешь: «бюрократ», а выговариваешь: «свой парень. Думаешь: «волокич», а говоришь: «хороший работник». Иначе-то и язык не повернется сказацуть!

Теперь возьму лично себя. Может-быть, мне и есть в чем покаяться-то, да не о двух же я головах!.. Как, бывало, перед господом-то богом?! Подойдешь, заговоришь — и сразу в осторожность:

— Ежели все рассказать-то, пожалуй, господь обозлится, да вместо отпущения грехов мне такое припаяет, что не обрадуешься!

И сейчас же парочку-другую грехов и замочает, — пока он там, господь, разберется, пока что, а тут уже «отпускаю и разрешаю». То же и на чистке. Может, я за собой и знаю грешки-то, — зачем же о них говорить?! Пока там доберутся, — а тут уже «считать проверенным»! Так и каждый.

Как же соблюсти директиву о самокритике, если во время чистки все-таки настроение покаянное, а не самокритическое?! Никак это невозможно.

Вы обратите внимание, до чего эта покаянность глубоко сидит, — не только перед чисткой или во время одной благожелателен ко всем, превыше всякой самокритики, но и после нее в учреждении дня два благорастворение воздушных, взаимная вежливость с посетителями и все прочее.

Мое мнение, — директиву о подготовке, активности и вовлечении — подтвердить, но без упоминания о самокритике. Нежизненное это дело при чистке аппарата, вот что!

В спокойное время — отчего же?! Можно и по-самокритиковать. Но во время чистки — это уже извините! У кого же язык повернется?!

Вл. Павлов.

Рис. И. Каликина

В РАДИОСТУДИИ

— Наконец-то мы подобрали репертуар, близкий крестьянским массам.

В ДЕРЕВНЕ

— И поют чудно, и язык не наш. Неужели за границу поймали?!

ОДОБРИЛ

— К концу пятилетки, Борис Григорьевич, почти все наши служащие смогут пользоваться автомобилями...
— А ведь это хорошо! Не очень-то тогда проследишь, кто ездит по личным делам, а кто по служебным!

ДЕВУШКА

У ДЕВУШКИ было много романтики и еще больше улыбчивой молодости. Молодость сверкала в серых глазах, наливалась упругостью мышц, рдела красной косынкой на черных кудрях, отмечалась цифрой «18 лет» в комсомольском билете.

Молодость не любила ни пудры, ни красок, ни женихов, ни вечеринок, — все это казалось мелким, ненужным, в сравнении с одной задушевной песней:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там.
По морям, морям, морям,
Э-эх! Нынче здесь, а завтра там!

В прибое демонстраций и в шуме летних бульваров звуки этой песни рождали невиданные образы: ревет море десятью баллами шторма, соленым бисером мечутся брызги, над сединами волн вздымается упругая мачта, по зыбкой палубе, раскачиваясь на весу, бегают славные хлопцы, на капитанском мостике, между бурей и смертью, лавирует седой капитан:

— Полный ход! Полный!

— Есть полный!

Бьют склянки. Смеется молодость.

И ничего странного, ничего неожиданного нет в том, что письмо девушки Б. оказалось в утренней почте на столе старшего писаря Николаевского окрвоенкомата Виневитина. С наивностью пятилетнего ребенка девушка писала о том, что она девушка и что это просто случайная игра природы. Она могла бы родиться парнем, и тогда не было бы никаких препятствий к тому, чтобы стать хорошим краснофлотцем. Но поправить эту ошибку уже поздно, а хороший заправский моряк из нее все-таки выйдет.

Поэтому «сообщите, пожалуйста, могу ли я попасть во флот и что мне для этого нужно сделать».

Улыбка всепобеждающего льва заиграла на темпераментном лице старшего писаря.

— А преппикантная девочка должна быть! — догадался лев. — Недурно бы познакомиться!

В порыве увлечения он даже забыл о том, что такие письма передаются начальнику мобилизационного отдела, и сам он не имеет права решать вопроса. Он даже забыл о том, что это не просто легкомысленная записочка, а официальное заявление, на которое нужен толковый, официальный ответ.

Нет, он просто вырвал листок из блок-нота и аккуратно выведенными закорючками начертал:

«Товарищ Б. Вам необходимо явиться в Николаевский окрвоенкомат к старшему писарю мобилизационного отдела т. Виневитину С. Е. для получения ответа. Явка желательна в воскресенье, 29 сентября к часу дня. Старший писарь С. Е. Виневитин».

Подпись. Росчерк, на котором указательный палец старшеписарской руки завершается парой целующихся голубков. И все в порядке. Остается только смазать волосы бриолином, закрутить рыже-бурый ус и жаждать свидания.

Девушка пришла точно в назначенный час. Сторож военкомата снисходительно оглядел шубейку из козьего меха и загородил дверь:

— Не работает военкомат сегодня. По случаю воскресенья.

— Меня вызвали на сегодня... Товарищ Виневитин вызвал. Вот и повестка.

— А-а! — многозначительно протянул старый сторож и хитро улыбнулся. — Тогда понимаем... Милости прошу. Поджидает писарек вас, как же...

Девушка была огорошена и странностью приема, и этой противной, какой-то загадочной улыбкой, и тем, что учреждение не работает, и, наконец, тем, что она... наедине с незнакомым мужчиной. Но тут же вспомнила, что ей, собственно, не полагается быть девушкой, идя во флот, — и задорно, по-мальчишески, тряхнула головой.

— Товарищ Виневитин! Я к вам по вызову.

— Очень приятно. Да вы подойдите ближе — не укушу я вас. А ручка у вас приятная, мягкая ручка... Неужели вы ею будете таскать тяжелые, мокрые канаты? Она создана для объятий, для нежности и любви.

«Ручка» поспешно отдернулась и уже готова была выполнить свою прямую обязанность — отпечатать пять пальцев на бритом раскрасневшемся лице. Однако на глазах навернулись непрошенные слезы, и девушка выскочила из приемной.

— Ах почему, почему я не мужчина? — спрашивала она себя дорогой. — Уж я бы ему показала... Показала бы!

Бедная девушка! Она так хотела плавать в море, а попала в лужу пошлости.

П. Майский.

ТЕАКИНОШРАПНЕЛЬ

СЕМЕНОВ —

„НАТАДЬЯ ТАРПОВА“

За сценой — выстрел роковой,

И вот — опущена завеса.

Убит безжалостно герой

И, вообще, убита... пьеса!

СЕЛЬВИНСКИЙ —

„КОМАНДАРМ 2“

Начало... середина... и конец,—

Не знаешь, что скучней и заунывней.

Какой он командарм! Он даже не

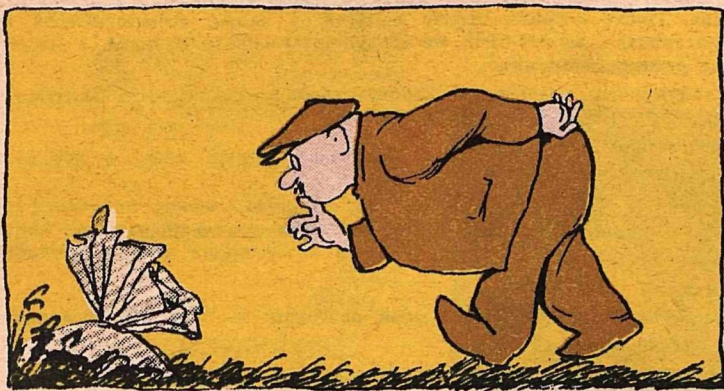
боец,

Он просто... театральный допризыв-

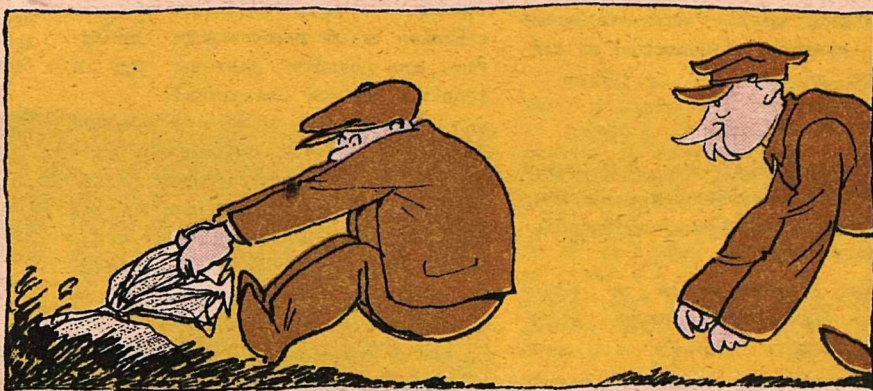
ник!
В. Гранов.

КУЛАЦКАЯ РЕПКА — ЗАРЫТА КРЕПКО

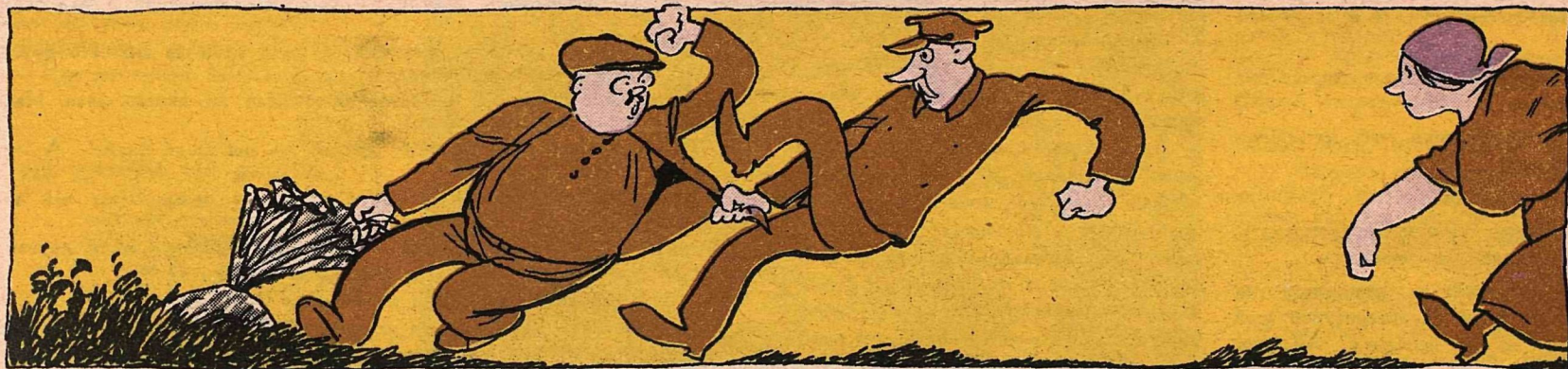
Рис К. Елисеева

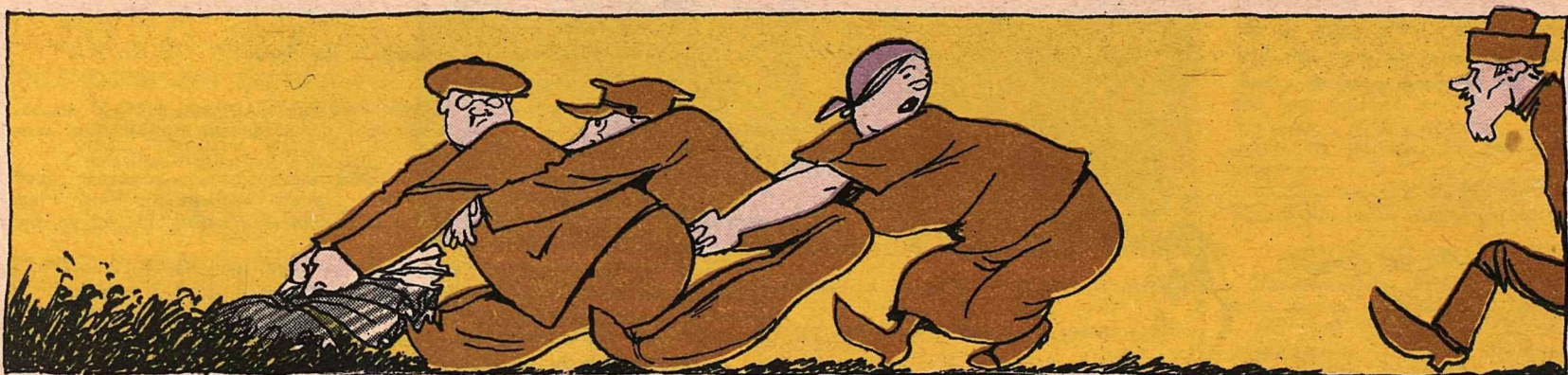
Гулял хлебозаготовитель по полю. Видит, — что то растет: — „Никак — репка! Заготовим и репку!“

Тянет-потянет, — вытянуть не может. Подошел другой заготовитель.

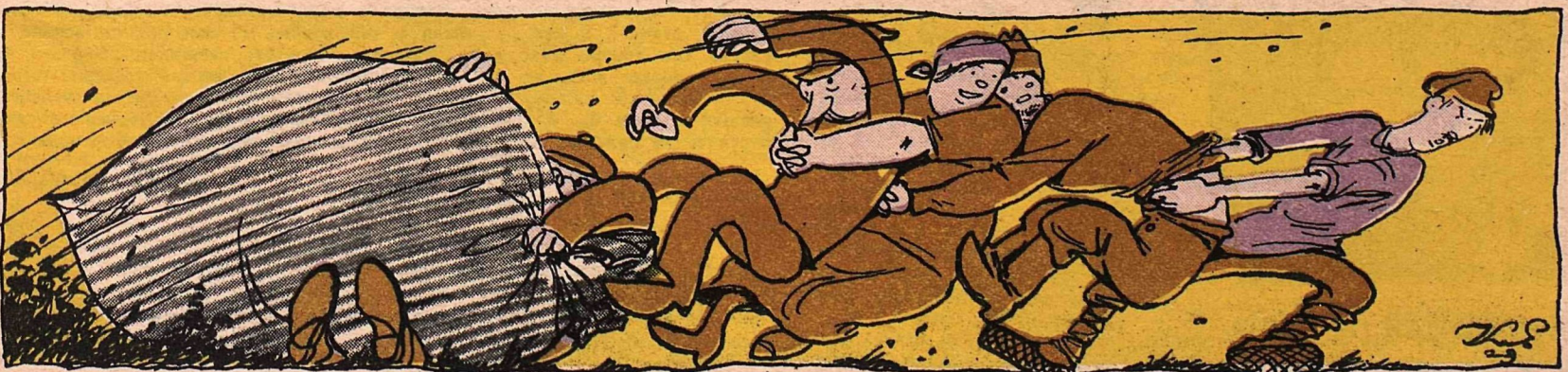
Подрались, как водится, и стали тянуть вместе. Тянут-потянут, — вытянуть не могут. Позвали из сельсовета на подмогу.

Тянут-потянут, — вытянуть не могут. Подошел середняк. Взялись тянуть вчетвером.

Тянут-потянут, — вытянуть не могут. — „Не иначе как нужно бедняка позвать!“ Пришел бедняк.

Сразу дело на лад пошло. Тянут-потянут, — вытянули репку!

ВОЛЫНКА НА ОЗЕРЕ

Новые анкетные рекорды!

Новые приятные неожиданности!

Барабинское на Урале земуправление издало приказ всем сельсоветам — ответить с точностью на следующую анкету:

Об озерах

1. Размер озера: а) наибольшая длина; б) наибольшая ширина; в) наибольшая глубина; г) преобладающая глубина.

2. Как распределяются по озеру камыши. Приложите образцы высушенных трав.

3. Опишите дно озера: а) рельеф дна; б) распределение грунтов в) характеристика грунтов.

4. Загорается ли вода в озере или нет?

5. Какие рыбы живут в озере. Описание их.

6. Характеристика рыб, их длина, вес, окраска.

7. Где кормятся?

8. Какие гидрометеорологические условия влияют на промысел.

Иной председатель сельсовета не то что не знает характеристики рыб его озера и не пробовал зажигать воду озера, — он первым делом ломает себе язык на слове «гидрометеорологические». А председателю сельсовета сломать себе язык — самое последнее дело, потому что чем же он будет говорить речи на сходе,

выгораживая перед селянством окружающих головяпов?

Окружные же дураки, считая свои приказы все-таки недостаточно жестокими и бесчеловечными, прилагают для полноты картины еще и горькую порцию инструкций:

Если озеро имеет вытянутую форму, то надо обязательно указать, в каком направлении вытянулось озеро (например, с востока на запад), равномерно ли понижается дно от берега к середине озера или неправильно. Есть ли ямы, борозды, подводные гряды. Какой грунт у берега, на глубине одного-двух аршин, глубже, дальше от берега, наконец, на середине озера. Желательно образцы грунта доставить в мешочке в земуправление.

Представляете ли вы себе эту картину? Председатель сельсовета шьет мешочки, насыпает их грунтом, секретарь сельсовета сушит траву и камыш, комсомольская ячейка пробует поджечь озеро, малыши председателя ловят рыбу и меряют ее от головы до хвоста. Школьники пишут характеристику рыб и их окраску, тут же кладут на весы, чтобы узнать вес. Секретарь партячейки голый ныряет за грунтом, а его жена едет на лодке и меряет глубину.

Картинка!

Теперь нас, видимо, пытаются брать не количеством, а качеством анкетных вопросов.

М. Касвинов.

Рис. М. Храпковского

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

— Эх, ты! Инженер, а сидишь в канцелярии! Нечего тебе тут делать!
— Потому и сижу, что нечего делать, а деньги платят!..

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

ПРИЗЕМИСТЫЕ ворота кряхтели под тяжестью большой вывески: «Красная Госфабрика различных изделий «Выше Знамя» в городе Воробейске».

Ниже рдела кумачевая лента с белой надписью: «Пролетарии всех стран». После «стран» стояла запятая, а слово, «соединяйтесь» на ленте отсутствовало, может-быть из-за художественного размаха, а может-быть из-за режима экономии.

Два задумчивых человека в хорошо вычищенных сапогах задушевно беседовали под кумачевой лентой, у калитки.

— Похолодало нынче!

— Да, нынче похолодало!

— Осень.

— Что и говорить, к зиме клонит. Уж и заморозки пошли.

— Завсегда так. Каждый год!

— Да-а...

Я вклинулся в их содержательный разговор: — Как мне, товарищи, пройти в фабричную ячейку?

Они ответили тоже вопросом:

— А вы сами кто будете? Партийные, или как?

— Партийный.

— Как раз мы тоже с партией! — сообщили товарищи в блестящих сапогах.

— А по какому делу? — осведомился было один из них. Но другой его сразу же сдержанно остановил:

— Брось, Недбайченко, — какое наше дело до ихнего дела. Наше дело — сторона. Так поспокойнее!

— Да, это верно, — согласился другой, — мы люди тихие. А что тихо, то, по-нашему, и хорошо.

— Уж куда там. Наши партийные не любят бузы. Бузы или там дискуссии.

— От этого избави нас боже! — неистово поддакнул один другому.

— Ну, так как же? Вас, может, к секретарю проводить?

— Что ж, проводим товарища к товарищу Левкоеву.

— К Левкоеву? А разве он секретарь? Партийный человек, а не знаешь. Надо к Грушину!

— Как же к Грушину? Когда был твой Грушин секретарем? В прошлом году? А который теперь год?

— Ну, может — Смирнов?

— Смирнова не выбрали.

— Золотарев? Зюзин? Петушков? Дзюбенко?

— Не-е!

В общем секретарем фабричной ячейки различных изделий оказался некто Трегубенков — толстый человек с заспанным лицом. Он лениво посмотрел на меня:

— А чего у нас особенного? Обыкновенно как — тихая ячейка. Люди у нас смиренные и без уклонов. Ничего особенного. Что? Насчет методов и руководства? Но у нас и руководить-то некем. Народ уж очень организованный, тихий!

Он с хрустом потянулся, подождал, не уйду ли я, но видя, что не собираюсь, сам поднялся и сонным голосом объявил: — Ну, я пошел!

«Организованные» члены «тихой ячейки» тоже не отличались словоохотливостью. Но в общем поведали о тихой своей жизни:

— Собрания? А зачем? У нас разногласий нет. И доклады нам ни к чему. Прений мы не уважаем!

— Беспартийные у нас сами по себе. И мы сами по себе. А то как же? Они по профсоюзной линии, а мы по партийной. А как же?

— И партийность соблюдаем. Будьте уверены. Вместе с беспартийными не пьем!

— Общие собрания? Нет, не занимаемся. Ну, как на общее собрание беспартийных созовешь? А вдруг неосторожное слово скажешь. Мало ли?..

Я спросил у тихих людей о партийной чистке.

— Не было еще, — зевнули они, — ну что ж чистка? У нас и чистить-то некого. У нас люди чистые, тихие. Взносы, скажем, сколько положено — покажу-ста, беспрекословно. Да чего там: «Спутник коммуниста» перед сном читают. У нас любят почитать на сон грядущий.. На сон-то грядущий, отчего ж!..

...Отчаянно зевая, я выходил из этой тихой партзаводы. Кое-как, в опутавшей меня дреме, добрался до гостиницы и заснул мертвецким сном...

★

На-днях я получил письмо от воробейского знакомого Иевлева — отчаянного патриота города Воробейска и его окрестностей. Иевлев писал:

«Вот вы, между прочим, посещали нашу красную госфабрику различных изделий и как раз были в той ячейке. И как раз на основании чистки там теперь мало кого оставлено. Так что неожиданный результат и со стороны всем до слез удивительно. У нас теперь говорят: что ж это получается, не дают людям тихо пожить? Нету к тихому человеку уважения, хотя бы он партийный. Разясните про это безобразие в сатиристическом издании, где вы пописуете, как известно, разные статейки».

Л. Митницкий.

ТРАНСПОРТНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

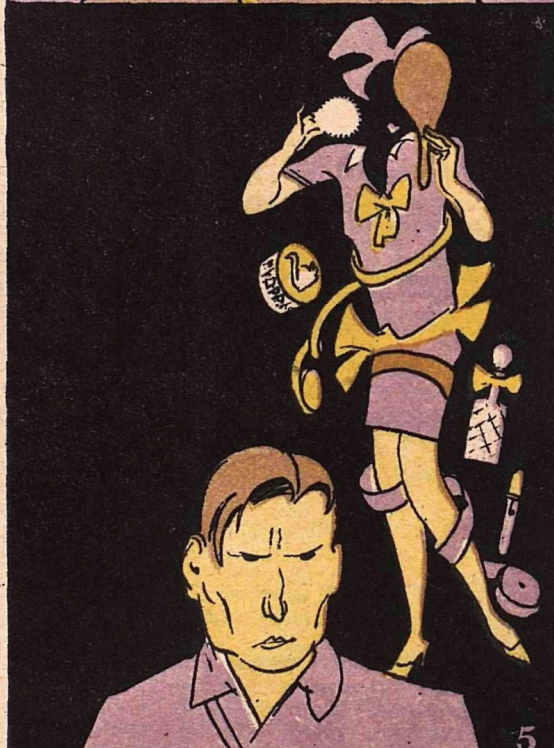
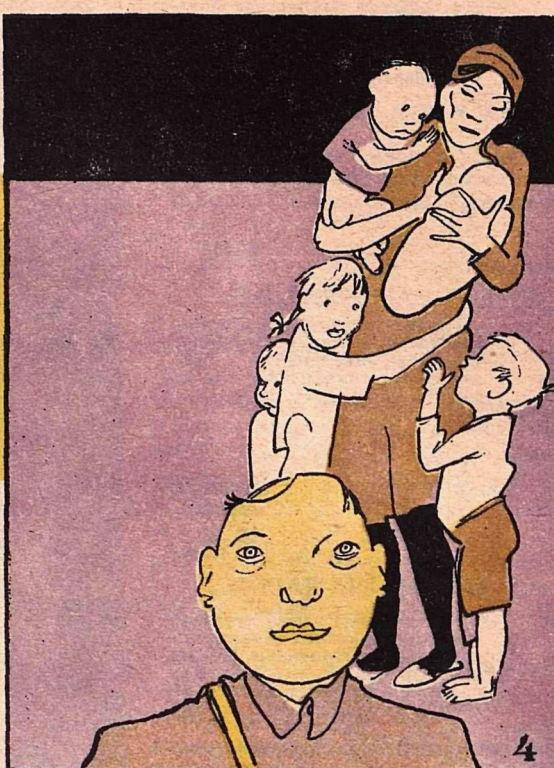
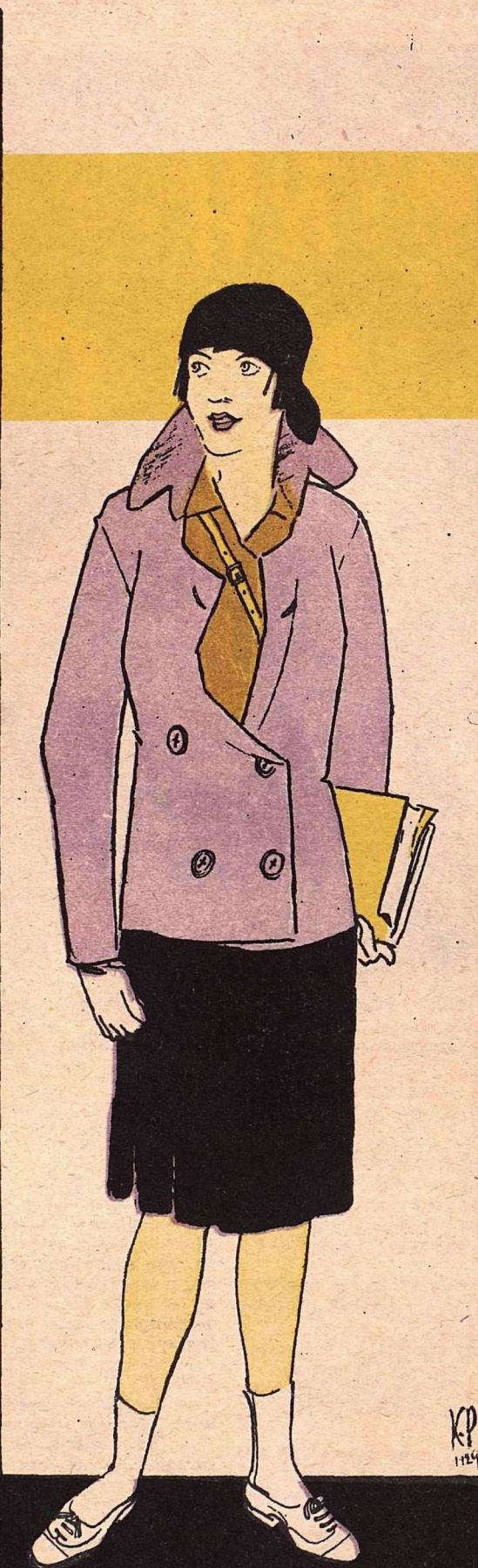
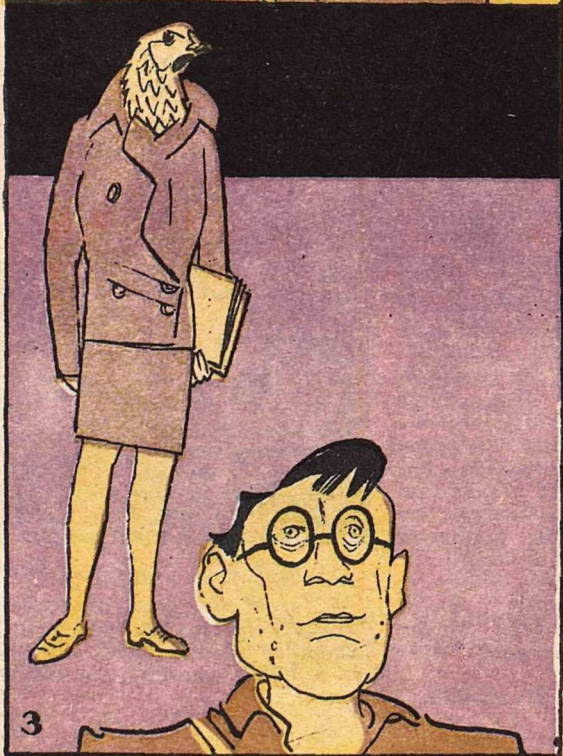
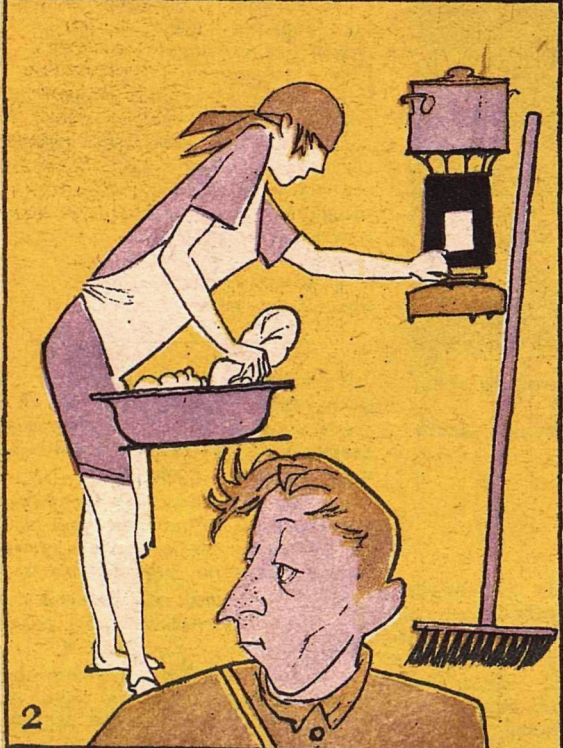
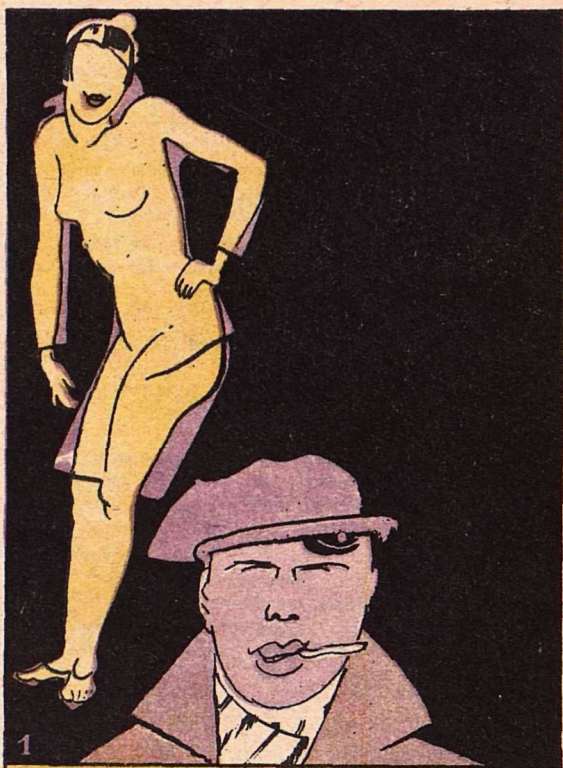
— И сколько этих автодоровцев — в трамвае! На каждом шагу слышишь: «Вы бы, граждане, в автомобиле ездили!».

Виг.

КОМСОМОЛКА КАК ОНА ЕСТЬ...

Комсомольская пресса отмечает ряд случаев нетоварищеского и пренебрежительного отношения комсомольцев к комсомолкам.

Рис. К. Ротова

... И КАК НА НЕЕ СМОТРЯТ НЕКОТОРЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ.

1. — Гм... Невредная канашка!
2. — Баба и баба! Самое ей место у примуса.
3. — Курица — не птица, баба — не человек, а туда же за политграмоту берется!
4. — Шла бы замуж да рожала бы детей, чем в политику лезть.
5. — Женщина? Э! Тряпки, бантики, чулочки — больше ничего!
6. — А по-моему, вообще женщины — пустое место!

В КУСТАХ

«Прошу помочь мне разобраться в моем крайне запутанном положении» — жалуется «Крокодилу» агроном Степанов. Кривая его работы извилина, как Терек, и непостоянна, как осенняя погода.

— 2 октября Костромской окрколохозсоюз назначает его агрономом Буйского куста.

— 10 октября переводит на Котельский куст.

— 28 октября Буйский рик дает распоряжение перевести на Романцевский куст.

— 31 октября Колхозсоюз шлет предписание вернуться на Буйский куст.

— 3 ноября Буйский рик переводит на Котельский куст.

Это уже не кусты, а прямо тайга какая-то! Что же касается работы Колхозсоюза, то она несомненно кустарна! Давно пора бы поставить специальную машину для переброски агрономов.

СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ

Слышали звон, да не знают, где он, коммунисты села Семеновки, Сталинградского округа. Им дали указание о том, что чистка партии должна проходить при широком участии беспартийных. Но как их собрать? Как привлечь массы?

Выход из затруднительного положения оказался прост. Секретарь ячейки распорядился ударить с церковной колокольни в набат.

Сбежалась вся деревня. Прикатил пожарный обоз.

— Что ж вы, черти, народ тревожите, когда у вас не пожар, а чистка?

— А не все ли равно? Для нас это тоже... стихийное бедствие!

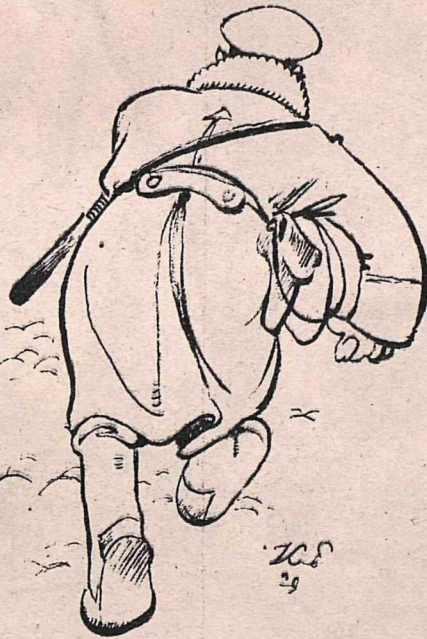
НОВАЯ НЕПРЕРЫВКА

В поисках удачной рекламы всякий чудит по-своему. Но рекорд остроумия побил все-таки «Красная Керчь». Она дает такое объявление:

«Красная Керчь» будет выходить ежедневно через день».

Не знаем, будет ли выходить газета «ежедневно через день», но читатель наверняка будет выходить... из себя. Особенно, читая такие перлы!

Рис. К. Елисева

МИЛИЦИОНЕР: — Кто — куда, а я — в сберкассу!

В сберкассах процветает бюрократизм. Сотрудники часто ссорятся с посетителями.
(Из обследования)

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

Уменьше легко и безубыточно хозяйствовать дано не каждому. В этом отношении есть чему поучиться у президиума Луганского окрисполкома. Вот выписка из его протокола № 20/35:

Постановили: принимая во внимание, что в результате бесхозяйственности бывшего управляющего кирпичными заводами Чучмарева и недостаточности руководства Дмитриева, имеется убыток по кирпичным заводам, — установить продажную цену на кирпич в 29 руб. 50 коп. за 1.000 штук вместо 26 руб. 70 коп.

До чего же это остроумно! За счет бесхозяйственности повысить цену на кирпич и плюнуть на предельные цены Наркомторга!

Не даром поется в песне:

Вот за эти-то, за кирпичики

Эр-Ка-И бы послать на завод!

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Нехорошо бывает, если человек вдруг заболит манией величия. Но еще хуже, если беда такая случится с целым органом, — тут уж, прямо, спасайся, кто может.

Чебоксарский РК ВКП(б) напечатал в «Красной Чувашии» объявление, в котором:

доводит до сведения учреждений и организаций г. Чебоксар, что им вводится десятидневка общественных работ...

С высоты своего величия Чебоксарский райком приказывает: окружком ВКП(б) должен заседать в такие-то дни, Совнарком в такие-то. Должны, и никаких гвоздей! Так в объявлении и сказано:

Ни в коем случае не допускать нарушения.

Что тут будешь делать? Даже жуть берет: сегодня этот прыткий райком командует своим Чувашским Совнаркомом, а завтра, гляди, войдет в раж и начнет строчить приказы Союзному Совнаркому, ЦК партии, ВЦИК'у, а то, может, и до Коминтерна доберется. И главное, чтобы «ни в коем случае не допускать нарушения».

Посоветуем самому райкому «не допускать нарушения»... здравого смысла.

С О Н Н И К

МОЯ квартирная хозяйка Пульхерия Никитишна питает необычайную страсть к толкованию снов. Она знает на-зубок все выпшедшие за последние пятьдесят лет в свет сонники и бесчисленное множество устных толкований снов. А я вот не только не верю в сны, но даже никак не могу припомнить, что мне снится... Сколько раз во время сновидений давал себе зарок «обязательно надо запомнить», — ничего не выходило. Это ужасно цитрирует достопочтенную Пульхерию Никитишну, и она почти каждое утро с иронией спрашивает меня:

— Как у вас память?

А сегодня меня разбудили как раз в тот момент, когда я видел сон, и я его запомнил.

— Странный сон, — говорю я Пульхерии Никитишне, — только-что видел...

Лицо ее сразу оживает. Она подсаживается ко мне:

— Ну, говорите...

— Снилось мне, будто по высокой лестнице я пришел в горсовет. Что я там видел — не припомню. Но когда должен был спуститься обратно, то лестницы уже не было. Шел я вниз с какой-то высокой горы, вернее, катился. А внизу река, и множество людей на лодках отчаливают от берега...

— А вода была чистая или мутная? — с серьезным лицом спрашивает Пульхерия Никитишна.

— Чистая.

— Это хорошо, — заключает она. — А как вы перебрались через реку: на лодке или вплавь?

— Да никак я не перебрался, потому что в этот момент, когда я очутился на берегу реки, меня разбудили...

Пульхерия Никитишна сердится:

— Раз в жизни человек запомнил сон, и то без конца: разбудили его...

Из соседней комнаты хохочет бас и кричит:

— Пульхерия Никитишна, ни черта вы во снах не понимаете. А я вот растолкую этот сон...

В комнату входит Медведь, — так зовем мы этого высокого, неуклюжего, действительно похожего на медведя человека, занимающего должность секретаря завкома на нашем заводе.

— По высокой лестнице ты шел в горсовет? — говорит он. — Готовься, брат, к перевыборам горсовета. Не иначе, как в комхоз попадешь.

— Ну?

— Вот те и «ну»... И будешь ты выживать рабочих из комхозовских домов, как твой предшественник.

— Как так?

— А вот так... У нас в городе сколько рабочего населения? Сорок процентов. А в коммунальных домах сколько живет? Одиннадцать процентов. А четыре года тому назад сколько площади в коммунальных домах занимали рабочие? Двадцать один процент. Вот ты и подсчитай. В жактах четыре года тому назад рабочие занимали девятнадцать процентов площади, а сейчас — одиннадцать, — подсчитай. А рабочих за это время у нас не убавилось, а прибавилось на несколько тысяч человек.

— Частник, — продолжает Медведь, — у нас за два года переполучил на разнице цен пятнадцать миллиончиков, а что с него взял финотдел? Два с половиной миллиона, да полтора миллиона списал вследствие «переобложения»...

— Зато комхоз на бане отыгрался. Себестоимость «человеко-бани» пятнадцать копеек, а он с рабочих — по гривенничку. Видите, какие мы хорошие? Только о вас думаем...

Пульхерия Никитишна делает удивленное лицо:

— Так вы ж сон разгадать хотели, а в политику залезли, — говорит она Медведю.

— Подождите, Пульхерия Никитишна, растолкуем. И так, ежели будешь продолжать старую политику комхоза, то, когда станешь спускаться обратно из горсовета, лестницы уже не будет. Будешь катиться вниз с высокой горы... Понял?

— А река тут при чем? — спрашивает Пульхерия Никитишна.

— Очень даже при чем, уважаемая Пульхерия Никитишна, — говорит Медведь, — потому, как же отчаливать всем этим людям из горсовета, ежели реки не будет?

— А зачем им отчаливать-то?

— Надо. Обязательно надо. Потому, во-первых, чистка аппарата, а во-вторых — перевыборы совета... «Катись колбасой» — скажут им. Поняли?

★

Вы, конечно, интересуетесь узнать, где приснился мне этот странный сон.

В Саратове, товарищи, — в Саратове...

Но толкование Медведя можно применить не к одному только Саратову. Его можно применить и к Астрахани, и к Балашову, и к Кашину, и к ряду других городов.

Бедная Пульхерия Никитишна! Никуда не годятся твои сонники. Устарели...

Гр. Львович.

36

44802

Рис. А. Топикова

Российская Центральная
 Книжная Палата
 6/хII-1929
 Записная книга №
 Выдан

ИСПОРЧЕННЫЙ ДЬЯКОН

— Что это с дьяконом-то делается? Начал по-церковному, правильно: — „Оглашенные изыдите!“, а кончает по-чудному: — „Приема нет! Зайдите завтра!“

— А это его, матушка, в учреждении испортили. Ведь он до чистки три года на советской службе состоял.